Внутри слишком темно, чтобы что-то разглядеть, но жутковатое зеленое свечение, мерцающее от моих карт Таро, недостаточно, чтобы осветить хоть что-то. Воздух здесь какой-то слишком влажный и в то же время слишком разреженный. Он липнет ко мне, по мере того как я двигаюсь, и его влажное тепло резко контрастирует с холодом снаружи. Голова плывет, а легкие горят так, как иногда бывает в тяжелые для здоровья дни, сколько бы болотистого воздуха я ни втягивала. Мои глаза, кажется, никак не могут приспособиться к мраку, а навигация с помощью магии помогает лишь частично. Моя душа чувствует, в какую сторону утекает моя сила, пока Рана вбирает ее в себя, но не то чтобы это помогло мне видеть, и я не чувствую ничего достаточно твердого, чтобы быть самим Юрфальном.

— Эй! Если я тебе нужна, выходи сюда! Я не... — мой голос дрожит, мгновенно разрушая мою напускную уверенность, а из горла рвется сухой кашель. — ...не закончила с тобой, — прохрипела я.

Флуоресцентный желтый свет из неизвестного источника заливает руины. Тусклое свечение мерцает, как умирающая лампочка, но его, по крайней мере, достаточно, чтобы теперь все рассмотреть. Притвор[1] храма представляет собой круглую палату, поддерживаемую колоннами, покрытые такой же грязью и порчей, как и стены снаружи. Над головой - высокий куполообразный потолок, почти полностью спиралью испещрены глифы, хотя кое-где проглядывается белый камень.

В дальнем конце комнаты грязная занавеска нависает над коридором, ведущим дальше внутрь. Она распахивается сама по себе – я напрягаюсь, ожидая, что мир снова завертится вокруг меня, но этого не происходит. Вместо этого по храму разносится далекий голос Юрфална: Добро пожаловать добро пожаловать! Иди. Присоединяйся!

Есть ли у меня другой выбор? Играть по его правилам как-то неправильно, но у меня только один путь – вперед. Я тоже могу изменить этот мир, верно, но я уже нанесла удар по Предвестнику единственным доступным мне способом. И, насколько я могу судить, ему абсолютно на это все равно. Это ему даже нравилось.

Нет, это не совсем верно. Я понятия не имею, зачем Юрфальну поедать самого себя или устраивать такое представление, чтобы моя инфекция попала в его рану, но это должно быть своего рода ответным ходом. Он не стоял на месте и не игнорировал мою магию - я определенно задела его в какой-то степени. Когда я видела его в последний раз, части его тела разрушались. Конечно, излишне надеяться, что оно все еще разваливается на части и мне нужно только словить его, но должно же быть что-то, что я смогу сделать, если пойму, для чего и почему он использует мою силу.

А сделать это я смогу, только увидев его поближе. И неважно, что в итоге произойдет.

Так что вперед.

За занавесом храм сужался, превращаясь в длинный мрачный коридор, который неуклонно спускался вниз. С едва заметным светом, словно от единственной лампочки, парящей где-то

далеко позади меня, я спускаюсь вниз и духовно стремлюсь уловить хоть какие-то признаки движения - засаду, присутствие Юрфальна, хоть что-нибудь. Но он так и не появляется. Есть лишь слабое колебание моей магии, стекающей внутрь, и звук, который медленно заполняет пространство, становясь все громче по мере того, как я иду. Не медицинское оборудование или шум насекомых, а ровное журчание, похожее на тихое хихиканье. Слабый смех умирающих детей. Воздух становится одновременно тяжелее и разреженнее по мере того, как я приближаюсь к источнику звука, ослабляя мое собственное дыхание. Мне не становится дурно от того, что Рана пытается меня удушить, но это все равно напрягает. Все в порядке. В том, что тело меня подводит, нет ничего нового.

Наконец в поле зрения появляется новый, более яркий источник зыбкого желтого света. Конец прохода, и... да, это похоже на центральный ствол моего расклада Таро, на точку, где Юрфальн собирает мою магию. Склизкая аура Предвестника здесь густая, и хотя я не могу точно сказать, гнездится ли он где-то в миазме, поджидая меня внизу, я уверена, что это место... каким-то образом важно для Раны. Оно более глубоко связано с Юрфальном, чем те, что снаружи. Если ответы, которые я ищу, где-то и есть, то они должны быть здесь. Собрав остатки своего слабого духа, я делаю шаг к свету.

То, что ждало меня там, выбило у меня последние остатки дыхания.

Туннель открывается в промозглую больничную палату размером со школьный актовый зал. Иссохшие тела в изношенных плащах уложены в тесные ряды шатких коек. Стены покрыты грязью, пылью и тиной Юрфальна, за исключением тех мест, где умирающие заняты тем, что оттирают ее руками. Они наносят очень специфические узоры, вычерчивая эти странные глифы на белом камне под грязью. Некоторые из тех же фигур стоят, прихрамывая, вдоль стен, несмотря на то, что части их тел вываливаются из под одеяний и растворяются в порче, покрывающей поверхности. Скитальцы с интересом изучают письмена на стене, время от времени останавливаясь, чтобы переписать их в уменьшенные копии огромного белого фолианта Юрфальна.

Пространство в центре было отделено, койки расставлены так, чтобы образовать неровную стену вокруг небольшого бассейна. Вода в нем яркого болотно-зеленого цвета, единственное цветовое пятно в грязно-серой комнате, и от нее исходят пары, которые на вид и на ощупь в точности напоминают мою магию. Двое существ плавают в ней, полностью одетые, а многие другие сидят вокруг воды, смеются и щебечут голосами, более слабыми, но почему-то более приятными для слуха. Все они распадаются на части, как и остальные, но вместо грязи и нечистот они распадаются на зеленый туман и черные перья, устилав землю.

Все существа, как один, поворачиваются, чтобы посмотреть, как я вхожу. Кто-то приветствует меня, кто-то машет рукой, а кто-то слишком слаб, чтобы просто смотреть. Я отступаю назад, все еще задыхаясь, но, сделав всего один шаг, натыкаюсь на мокрую грязную стену. Проход позади меня исчез.

Ну. За этим я и пришла, так ведь? Если бы я хотела сбежать, то уже сделала бы это - возможности для это были. Какая разница, если теперь их нет?

Я делаю первые нерешительные шаги по комнате, останавливаясь, чтобы оглядеться через каждые несколько шагов. Но как бы я ни ждала, что эти потрепанные твари набросятся на меня, как голодные зомби, они так и не двинулись. Если это ловушка, то очень странная.

Не успеваю я дойти до заграждения из коек, окружающего центральный бассейн, как тошнотворное давление Раны начинает бить по моей душе, а дурманящий воздух душит мое тело. Чуть впереди из дна вырывается столп грязи, и когда он рассеивается, перед мной предстает Предвестник. Его капюшон опущен, а рот ухмыляется шире, чем прежде. Потерянные ноги и клыки практически отросли, но теперь из них вываливаются черные перья и крошечные полые кости, торчащие из них в случайных, неровных местах, и они постоянно извиваются, словно борясь с монстром – три клыка загнулись назад и вонзились в голову. Когда я нахожусь так близко к нему, его аура напоминает гнилостно-фруктовый смрад пациентов седьмого этажа, но при этом в нем присутствуют два разных ощущения: жгучая боль, распространяющаяся из его ядра, и холодная, грызущая боль от моей силы, пронизывающая его насквозь, и все это сливается в одно ужасное месиво ощущений.

Умирающие существа затихают, когда появляется Юрфальн, и его голос разносится по палате. На этот раз он говорит медленно, как если бы разговаривал с несмышленым малышом. Фразы звучат сложнее, их труднее перевести, но они звучат примерно так: Мы чувствуем так много. Горим так ярко. Сияем так сильно! Смотри, смотри!

Затем он жестом головы указывает на одно потрепанное существо, одиноко сидящее на краю круга. Он сгорбился над белой книгой и в неистовом темпе пишет на ее страницах старинным пером, сделанным из одного из этих черных перьев. Ткань на одной стороне тела откинута, обнажая человеческую руку, которая по мере гниения неуклонно становится ярко-зеленой, но не растворяется в тумане, а тает в жидкости. Стеклянная бутылка у него под боком собирает жидкость, и он использует ее как чернильницу для своего пера.

Писатель смотрит на Предвестника и гордо улыбается. Мандибулы вокруг его человеческого рта причудливо изогнуты, словно он пытается ими улыбнуться. Юрфальн опускает одну из своих лап в бутылку, открывает свою книгу и начинает переписывать написанное, возбужденно щебеча при этом.

И снова я изо всех сил сдерживаю рвоту. Все это... никак не объяс...

Нет. Есть только одна логичная причина всего этого.

Предвестник черпает силу из болезней. Болезни - это начало его существования. Он сожрал увядающего человека, а затем отправился проклинать других людей на медленную, жалкую смерть. Боль, подобная моей, вероятно, его любимая пища, и я подала ему самое большой обед, какой только могла. Вот почему оно позволило мне сделать это. И даже больше. А затем радушно впустило меня в свой мир.

Единственное, что мне остается, - это напоминать себе, что это все еще причиняет ему боль. Я уверена, что это так, и мой крючок уже в нем, но... могу ли я что-нибудь с этим сделать? Если я

выдавлю из себя еще больше силы, он распадется в ничто или будет пировать на моих страданиях, пока не лопнет? Я понятия не имею, насколько это эффективно. Более того, скорее всего, я умру раньше. Это место пропитано ядовитым воздухом, и моего барьера недостаточно, чтобы не дать ему просочиться в меня. Тем более что дышать мне все равно нужно.

Юрфальн захлопывает книгу и возвращается к наблюдению за мной с безглазой улыбкой. Так продолжается долгое-долгое мгновение. Затем он забирает в рот комок перьев, жадно скрежещет и направляется в дальний конец комнаты. Оно движется гораздо медленнее, чем раньше, все его тело дико дергается и сбивается с шага, но в конце концов оно исчезает за занавешенной дверью.

Не оставляя мне иных вариантов, кроме как гнаться за ним, стоять здесь и тратить время впустую или пытаться найти выход собственными силами… а способа открыть новый путь с помощью своей магии я не вижу.

Я еще раз просматриваю свой расклад Таро. Ствол перевернутого дерева состоит из двух карт. На нижней из них грязно-серые и красные цвета Юрфальна собраны вокруг яркого пульсирующего круга моего изумрудно-зеленого цвета. Карта над ним полностью состоит из оттенков Юрфальна, пульсирующих дико, как глиняное сердце. У Предвестника и его мира осталось что-то еще, что-то более сокровенное.

Возможно, он все еще умирает. Возможно, все еще получится. И это единственный шанс, который у меня есть.

Неопрятные существа шарахаются в сторону, освобождая мне путь за их создателем в самое его сердце.

По ту сторону занавеса – лишь тьма, которая стремительно разрастается и поглощает мир.

~~~

Все, что осталось, - это бесформенное пространство, похожее на пустоту, через которую я провалилась, чтобы попасть в Рану, только в этот раз я стою на твердой земле, а не падаю в бесконечность. Мимо меня медленно проплывают образы, каменные мозаики, освещенные мерцающим желтым светом. Это зазубренные, уродливые творения, сложенные из острых камней, вместо гладких, красивых форм, но все же они образуют разборчивые картины.

На первой изображена бродившая в темноте толпа бесцветных человекоподобных фигур, слабо освещенных желтым светом. Следующие панели сосредоточены на одном человеке, всегда ярко окрашенном и освещенном на мрачном фоне. Он один в толпе безликих бесцветных людей, затем в кровати, худой и изможденный, но светящийся ярче, чем прежде. И наконец, он переходит в такое же теплое и яркое место, как и он сам, - в сад, наполненный другими яркими людьми, их свет льется в мир и полностью заменяет унылый фон последних картин.
~~~

На последней мозаике камни более гладкие. На ней изображен человек, сидящий в мире-саде в огромном мягком кресле с золотой отделкой, богато украшенной, как королевский трон. Перед ним склонилось существо, закутанное в лохмотья, словно ученик, сидящий у ног великого учителя.

Неужели это Юрфальн и мистер Энфилд? Неужели Предвестник убил и съел человека, а потом построил для него храм?

Вместе с этой мыслью исчезла последняя сценка, и зажглись яркие огни, заменив пустоту новой, меньшей по размеру палатой. Как ни странно, в центре Раны гораздо чище, чем в больничной палате. Белокаменные стены в основном чисты, за исключением угла, где стоит Юрфальн. Там на земле разбросаны черные перья, а также несколько его ног вместе с кусками грязи, через которые они крепились к его телу. Они растворяются в зеленом тумане, но очень медленно; похоже, на это уйдут часы. Если я его этим и убиваю, то, по-моему, явно недостаточно быстро.

Смотри, смотри! щебечет он, жестикулируя всеми лапами с одной стороны тела. У дальней стены - жертвенный алтарь прямо из ужастика: каменная плита, наклоненная к полу, испещрена замысловатыми глифами. На верхнем краю плиты лежит скальпель. Круглый желоб, вделанный в пол, окружает его, а если посмотреть сбоку, то можно увидеть канал, который впадает прямо в стену за алтарем.

На самой стене - еще одна мозаика. Начинается она как унылый городской пейзаж, но изображение живое - смесь цветов Юрфальна и моих растекается по нему, как краситель в стакане воды, и там, где проходят эти извилистые переливы, все меняется. К моменту, когда они достигают границ мозаики, город становится продолжением Раны. Его поверхности покрыты живой грязью, а улицы заполнены смертельно больными людьми, которые безмятежно улыбаются, умирая на улицах.

Юрфальн снова заговорил, тем же медленным, веселым голосом, что и снаружи. Твое! Я сделал его. Для тебя! Умрем вместе? спрашивает он.

...Вместе? Что? Это... раньше я думала, что он питается болью умирающего от болезни и ему все равно на то, что это может ему навредить. Если я правильно понимаю - не исключено, что это не так, но это именно это я сейчас и вижу, - то ему не просто все равно на боль или смерть, а смерть и есть его цель.

Я помню последние слова мистера Энфилда, сказанные мне. Все эти слова о "что ни делается, то к лучшему" и "смерть побуждает тебя максимально использовать свои последние дни". Очевидно, это ложь, которую люди говорят себе, чтобы почувствовать себя немного лучше, когда больше ничего нельзя сделать, но у меня нет причин думать, что Предвестники понимают человеческий самообман. Может быть, Юрфальн извлек эти чувства из его предсмертных мыслей, воспринял их совершенно серьезно и решил, что ему нравится эта идея. Я открываю рот, но слова, которые я хотела сказать мгновение назад, ускользают от меня. Что я могу сказать тому, кто думает подобным образом, и поймет ли он меня вообще?

ДЛЯ ТЕБЯ, повторяет Юрфальн. Его голос с самого начала был резким и болезненным, но нетерпение и гнев, с которым он сейчас звучит, воспринимаются по-новому. Он вытягивается во весь рост и подползает ближе, возвышаясь надо мной на расстоянии нескольких шагов.

Какая я дура, дура, дура. Вьюджи сказала, что не может многому меня научить, но говорила так, будто я уже готова к сражению, но мне следовало заставить ее рассказать мне все, что она знала о врагах. И больше экспериментировать, выяснять все, на что я способна, и обдумывать, как лучше это использовать. Вместо этого я бросилась навстречу смерти, не желая рисковать тем, что след Предвестника пропадет.

Нет, нет, это еще не конец. Я не собираюсь так умирать. Я не умру. Впустив в Юрфальна остатки моей силы, я не смогу убить его достаточно быстро, чтобы спастись, но это не единственное, что я могу сделать. Магия - не только оружие, которым размахивают изо всех сил в надежде на удачу, и это не просто еда или источник силы для Юрфальна. Это и есть Юрфальн. Он прославляет наши страдания, любит их настолько, что превращает свой мир в храм медленной, мучительной смерти. 'Правда написана шрамами'. Так он назвал себя. Болезни - такова его сущность.

И как бы я ни ненавидела это, но болезни являются моей силой.

— Хорошо. Хорошо, успокойся, — полушепотом говорю я. — Умереть вместе, что ж. Звучит замечательно. Давай сделаем это, — я отступаю в сторону алтаря, боясь отвести взгляд от Юрфальна. — Н-но это немного не то. Разве ты этого хочешь? Можно... можно я сначала сделаю это немного лучше?

Юрфальн только наклоняет голову, слегка меняя позу. Не знаю, как я понимаю его слова, но, похоже, перевод не работает в обе стороны.

— Лучше. Вот так. Больше этого, — я вливаю в барьер еще немного силы. Еще немного той же боли, страха и горечи, что я использовала для заражения Раны. Я могу изменить это место и другими способами. Честно говоря, то, что я планирую, – это более простой способ, просто не такой очевидный.

Предвестник на мгновение замирает, не считая диких подергиваний больных конечностей. Затем он издает бессловесный стрекот согласия. И тут же ослабевает пелена его порчи, окружающая мою душу, - его власть над миром немного ослабевает, освобождая мне место, чтобы внести свой собственный штрих в пейзаж сна. Возможно, я бы так и сделала, но я не собираюсь выкладывать все свои силы. Пока не хочу.

Я закрываю глаза и усиливаю контроль, пытаясь вложить в свою магию не только эмоции. Идеи, воспоминания, страхи, более сложные, нежели первобытные. В частности, один образ. Холодный туман проносится по комнате слабым ветерком. Когда он проходит, я оглядываюсь на стену и осматриваю свою работу.

Алтарь был заменен... Мне потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, чем он должен

быть, и я представила это. Теперь это два одинаковых алтаря, один из которых поднят чуть выше, чем другой. Они частично наклонены, как смотровые столы, и вместо кандалов и места для фиксации конечностей жертвы установлены по одному мягкому подлокотнику слева и справа.

Между ними находится что-то вроде огромного диализного аппарата[2], но его корпус вырезан из цельной плиты белого камня и вмурован в пол. На его контрольных приборах нет цифр, только знаки, подобные тем, что написаны на стенах храма, и маленькие улыбающиеся лица. Главный набор трубок, который обычно находится в центре, продублирован на каждой стороне устройства, но вместо фильтра, через который пропускается кровь, трубки просто сходятся в центре в большой запутанный лабиринт из прозрачного пластика. С каждой стороны есть шесть трубок, заканчивающихся слишком длинными и слишком толстыми иглами, которые сложно было бы представить на каких процедурах это могло бы можно использовать. Это не медицинский аппарат, а творение безумного ученого, призванное украсть всю кровь сразу у двух человек, а затем сделать с ней нечто необъяснимое, но, безусловно, смертоносное.

Почему это выглядит так ужасно? Я же не делала его таким, верно? Наверное, это из-за грязи, с которой я работала - я слепила это, но из частей Раны Юрфальна. Это все еще часть этого мира.

В любом случае, мне все равно, как это выглядит. Это более или менее то, что я хотела, - это сделает то, что мне было нужно, и Юрфальн, вероятно, будет удовлетворен этим. Мое предложение выглядит однозначно: если ты хочешь разделить мою боль, мою кровь, мою проклятую, испорченную кровь, которая изо всех сил старается сожрать меня заживо, то забирай ее.

Юрфальн осматривает машину, ползает несколькими кругами вокруг нее и между новыми жертвенными сооружениями. Я затаила дыхание, пока он не захихикал, не взревел и не перебрался на более высокий стол. Его ноги хватаются за трубки на боку - точнее, его оригинальные, неповрежденные ноги, в то время как дергающиеся пернатые дергаются и борются с ними, - но в конце концов он берет все шесть игл и просовывает их в отверстия в своем саване, издавая резкий вой, когда каждая протыкает что-то под тканью. Он садится на стол, кладет рядом свою книгу и открывает ее на новой странице.

Я подхожу к устройству несколькими маленькими шажками. Прислонив трость к алтарю, я достаю одну трубку с иглой. Юрфалmн бессмысленно свистит и щебечет, пока я отворачиваю рукав на раненой правой руке. Я стискиваю зубы так сильно, что становится больно, хотя и знаю, что это не поможет. Я знаю, что все будет с точностью до наоборот - целая жизнь уколов, инфузий и заборов крови наглядно убедила меня в этом, но я ничего не могу с собой поделать.

Немного боли. Лишь немного боли. Вот что значит бороться за жизнь?

Я никогда раньше не делала этого сама. Я помещаю иглу над одной из вен в центре руки, смотрю в сторону и изо всех сил стараюсь просунуть ее внутрь. Ее холодный укус гораздо острее, чем обычно, и я хнычу от боли, но не могу позволить себе остановиться, чтобы по-настоящему ее прочувствовать. Времени нет. Образ Юрфальна в моей душе усиливается - мы

связаны друг с другом, мы должны быть связаны, чтобы то, что он задумал, сработало, таким образом я чувствую его на каком-то ином уровне. Он пытается превратить мою болезнь, мою магию в часть себя. Моя сила пропитала всю его сущность, но она все еще моя.

И она отвечает мне, когда я тянусь к ней, хватаю ее и тяну изо всех сил. Она спуталась с порчей Юрфальна, так что будет проще вырвать их обоих из тела вместе.

Предвестник издает растерянный скулящий звук. Он скручивает свое тело в спираль, стягивая все свое существо вокруг украденных страданий, и в воздухе нарастает странное ощущение некоего фантомного давления, когда я вытягиваю это из него. Сквозь это давление, сквозь острую боль в руке, головокружительную боль от дыхания в этом месте и оцепенение от тяжести собственного разрушающегося тела, я продолжаю тянуть, пока не чувствую, как моя сила вырывает клочья души Юрфальна и тащит их за собой.

Наконец, цвета начинают вытекать через трубки Юрфальна. Аппарат наполняется безумным, постоянно меняющимся мутным супом из чернильно-черных, красных, серых и мерцающих зеленых оттенков, которые так и не могут слиться воедино. Вопль Юрфальна переходит в панический вой, пока хаотическая смесь нашей магии плавает там, ожидая своего нового назначения.

Чтобы все получилось, я должна его дать. Магия хочет выразить себя. Она хочет, чтобы ее использовали. Я не могу просто пожелать, чтобы она исчезла, поэтому остается два места, куда ее можно направить. Это застало Предвестника врасплох, но если я дам ему шанс, он все еще может найти способ сопротивляться.

Я смотрю на ржавые ошметки грязи, смешанные с зеленью моих миазмов, и содрогаюсь. Возможно, Юрфальн и украл болезнь, но теперь она пропитана его сущностью, отвратительной для моих чувств на уровне, выходящем далеко за рамки тошнотворно-сладкого запаха смерти, который я ощущала раньше. Это похоже на то, как если бы я смотрела на тарелку с едой и видела что-то еще живое, еще совершенно сознательное, смотрящее на меня глазами, полными разумной злобы. Нечто, знающее, что его ждет, но желающее, чтобы в свои последние мгновения я поняла, что оно ненавидит меня и хочет, чтобы я страдала.

Напрягая все тело, я заставляю массу вернуться в себя. Порча, моя и Юрфальна, прорывается через машину и вливается в мои вены.

Мои нервы как один взрываются. Мои ноги подгибаются. Я падаю на колени и кричу, кричу и кричу, пока не замечаю, что вцепилась когтями в собственное горло. Вопли Юрфальна заглушают мои собственные, и только по рвущимся мышцам на шее я понимаю, что все еще издаю звуки. Острая, грызущая агония пронзает меня насквозь, а в груди горит украденный недуг. Я чувствую себя так, словно тону на суше, словно мое тело забыло, что делать с воздухом.

Но сквозь слезы я вижу, как Юрфальн съеживается, сжимается под своими одеждами. Десятки маленьких ножек вытягиваются из-под ткани, когда он встает и, пошатываясь, идет вперед,

чтобы схватить меня, но его тело сдается в середине движения, и он рушится на землю. Капюшон спадает, и оно смотрит на меня безглазым лицом, дергаясь, дрожа и гримасничая от невозможной боли обоими ртами, а его глиняная плоть быстро начинает сохнуть и трескаться. Она не отваливается и не разносит грязь по комнате, не растворяется в зеленом тумане, а просто рассыпается в пыль.

Юрфальн опускает голову. Его голос срывается, превращаясь в слабый, дрожащий крик. Оставшиеся ноги еще раз поднимаются, а затем погружаются в грудь. С низким, сухим криком боли он вырывает что-то из себя - пульсирующий шар из черноты, по которому, словно вены, бегут тонкие линии ржаво-красного света. Сердце Предвестника. Трофей, ради которого я здесь. Мой первый шаг к спасению.

И он держит его из последних сил.

...И предлагает его мне?

Увядай. Увядай и... наполни этот мир... мором. Выпей все. Стань правдой. Вместе. С последним вздохом он молил не о пощаде, а о...

Я выдергиваю иглу из руки, выхватываю сердце, и последняя часть тела Юрфальна распадается в обрывках разорванной ткани и облаке мертвой серой пыли. Его ядро, теплое и скользкое на ощупь, вызывает во мне отвратительную дрожь, но я все равно цепляюсь за него. Почему-то я боюсь, что оно может исчезнуть, как сон, под жестоким утренним солнцем, если я отпущу его.

Я прижимаю сердце к груди и со всей силой тянусь проглотить его, прикусывая язык, чтобы заглушить ужасное ощущение от этого поступка, но... после первого тошнотворного глотка что-то начинает меняться. Воздух злобы, который я ощущала с тех пор, как начала следить за Предвестником, постепенно исчезает. Впитывая его сущность, я не ощущаю ничего физического, как это часто бывает при восприятии магии, - это более глубокое чувство, более абстрактное, что-то новое и прекрасное.Как пьянящая дымка после прочтения настолько хорошей книги, что ты забываешь обо всем и не осознаешь, что все это время читал, но при этом, освобождаясь от нее, ты снова оказываешься на больничной койке. Такова реальность.

Пока я выпиваю его создателя досуха, Рана рушится вокруг меня: обломки стен, многорукие чучела и песчаные пляжи - все рушится в пустоту, все крутится и сжимается, пока темный свет в моих руках не становится единственным, что остается видимым. Этот свет расширяется и заполняет все мое зрение, просачиваясь в меня, - темное поле, усеянное далекими звездами, вырисовывается над Раной. Бесформенные идеи и образы мелькают в темноте.

Теперь я понимаю. Скоро все, чем был Юрфальн, станет моим, и в глубине души я знаю, что это правда. Я не знаю, откуда он взялся и как появился, но с того момента, как он вторгся в наш мир и украл первую жизнь, я понимаю, что он пытался сделать. Он увидел нас на седьмом этаже, страдающих, медленно умирающих, держась за любую крупицу жизни и смысла, которую мы могли извлечь из нашей нежизнеспособной ситуации, и решил, что это так

прекрасно, что он поделится этим опытом со всеми, с кем только сможет. В его мире быть уничтоженным собственными страданиями означало стать прозревшим.

Но его высший идеал был лишь утешительным заблуждением умирающего. За свою долгую жизнь я вынесла больше бремени, чем Юрфальн, даже добавила его боль к своей собственной, и это только укрепило меня сильнее, че раньше. Вот так я сломала его и его мир. Его мечту. Понимал ли он это? Что он чувствовал, проводя свои последние минуты, будучи отвергнутым кем-то вроде меня? Надеялся ли он, что я продолжу его дело?

Неважно. Его больше нет, и все, что я хочу взять из его неудачи, – это силу, чтобы выжить.

Когда мир вновь появляется в моем поле зрения, у меня не возникает ощущения перемещения из одного места в другое. Как будто Рана была лишь декорацией, установленной перед гостиной. Меня все еще трясет, но нет никаких других звуков, никакого движения, которое я могла бы различить сквозь затуманенное зрение. Тускло вижу, что нахожусь перед камином, как раз там, где когда-то была дыра в земле. Теперь там только белый пушистый ковер, испачканный грязью там, где мои руки вцепились в него ногтями. Я откинулась назад в сидячее положение и зажмурилась, пуская слезы облегчения, когда боль начала уступать навалившейся усталости.

В конце концов я снова начинаю двигаться. Я поворачиваюсь, нащупываю трость единственной целой рукой и встаю на шаткие ноги. Две жертвы Юрфальна лежат без сознания в своих креслах, живые и дышащие, но судорожно ворочающиеся, словно пытаются очнуться от кошмара. Возможно, так оно и есть.

Единственное, что я могу сделать для них сейчас, - это вызвать профессионалов. Каков порядок действий в таких случаях? Если и существует специальный номер для Хранителей, по которому можно сообщать о магических опасностях, мне о нем пока никто не рассказал. Надеюсь, 112 поможет. Я ковыляю по дому, смутно удивляясь, что не истекаю кровью, пока не нахожу беспроводной телефон на маленьком боковом столике.

— Алло? Я только что убила Предвестника. Две его жертвы еще живы, — мой голос звучал сухо и хрипло, словно я кашляла песком. — Здесь должно быть безопасно, и они выглядят стабильно, но им понадобится помощь Святилища.

На секунду в трубке наступает тишина.

— Понятно. Где вы находитесь?

Что ж, это было просто. Я рада, что полиция знает, как действовать, потому что сама я не знаю. Однако я понятия не имею, где мы находимся. По дороге сюда я ориентировалась по запаху Юрфальна.

— На холмах. Эммм… — я прихрамываю и выхожу наружу так быстро, насколько может

позволить мое потрепанное тело. Найти уличный указатель и маленький номер на двери довольно просто. — Коуп-стрит, 12.

— Хорошо. К вам уже едут офицеры, и мы пошлем кого-нибудь из Светлых Горизонтов. Это может занять некоторое время. Вы сказали, что жертвы не в критическом состоянии?

— Да. Я так думаю, — однако мне пришло в голову кое-что еще. Когда доктор Хайнс уходил вчера вечером, он выглядел совсем неважно, а сегодня утром его и вовсе не было. Возможно, его просто потрясло смерть мистера Энфилда, но он был слишком близко к точке зарождения Юрфальна. Проклятие Предвестника может начаться как едва уловимое семя дремлющей порчи, а затем разразиться чем-то ужасным, когда оно пустит корни.

— А, есть еще кое-кто, кого вам тоже стоит проверить.

...Стой. Я собираюсь рассказать о том, что знаю его? Я уже с ужасом думаю о том, что в новостях начнут бурно обсуждать инцидент с Таинственным Хранителем. Я должна что-то сделать для доктора, но я не могу пойти и проверить его сама, а все, что я скажу, может сузить круг подозреваемых.

— Кажется, его звали... Ральф Хайнс? Вроде бы так. Я не знаю, где он живет и чем занимается, только то, что он тоже контактировал с Предвестником.

Как неловко. Они должны это проглотить. Никогда в жизни не слышала об этом человеке, Предвестник просто назвал его по имени, и все!

Собственно, почему я вообще паникую по этому поводу? Звонки по номеру 112 должны быть анонимными. Так ведь?

— Одну минуту, пожалуйста, — снова пауза, на несколько секунд дольше, чем в первый раз. — В наших данных есть два человека с таким именем. Можете ли вы рассказать мне о нем что-нибудь еще?

— Простите. Попробуйте сначала найти того, кто живет ближе всего к этому адресу. Предвестник не успел далеко разойтись, прежде чем я его устранила.

Доктор местный. Наверное. Надеюсь, я не ошибаюсь.

— ...Хорошо. Мы так и сделаем.

— Спасибо. Тогда я пойду, — я вешаю трубку, прежде чем они успевают возразить, и оставляю телефон на столике во внутреннем дворике. Если я буду ждать, пока они соберут показания, это привлечет ко мне внимание, которого я не хочу.

Кстати, не шумно ли было все это время? Я кричала, пока вываливалась обратно в мир? Не думаю. Но надеюсь, зрителей вокруг не было. По крайней мере, на улице сейчас никого нет, но я не вижу за окнами домов напротив.

Нужно воспользоваться дополнительными средствами анонимности. Я порылась в потайном кармане своего платья Хранителя, - конечно, у него есть карманы, что толку в модном наряде, если их нет? Так же, как я инстинктивно знала, что они там есть, я знаю, что эти карманы соединены с теми, что на моей настоящей одежде. Конечно, маска, которую я взяла ранее, находится внутри. Надев ее, я ковыляю прочь от дома и иду по улице. Выбранная мною первая дорога оканчивается нетронутым лесом. Я ныряю за деревья и падаю на землю, прислонившись спиной к старому стволу.

— Эй, Вьюджи, теперь я в безопасности. Пожалуйста, выйди.

Проходит несколько секунд, прежде чем появляется Посланница, сидящая на коленях напротив меня. Она смотрит в сторону дома, затем кивает.

— Поздравляю, Лиадейн. Я рада видеть тебя… настолько в здравии, насколько можно было ожидать после твоей первой охоты. Как ты себя чувствуешь теперь, когда все закончилось?

— В общем… ужасно, но, думаю, съеденная штука помогла? Я больше не чувствую, что могу умереть в любой момент. Даже если единственная причина, по которой я так легко отделалась, в том, что Предвестник слишком чокнутый, чтобы пытаться выжить. Я не знаю, как это работает, почему он такой, какой есть, и насколько он контролирует свою силу, но он просто был сломан на каком-то фундаментальном уровне. Если бы я не добралась до него первой, его собственная магия рано или поздно сожрала бы его заживо.

— Интересно. Однако не стоит надеяться, что это повторится. Я бы не хотела, чтобы ты так быстро усвоила неправильные уроки.

— Конечно, нет. Спасибо, за предупреждение, наверное. Итак… Я ведь еще не бессмертна? Как мне узнать, насколько далеко простирается весь этот кошмар? — спрашиваю я.

— Это тебе предстоит выяснить. Что ты чувствуешь? Не раны, не тело, а именно ты. Твое сердце. Что изменилось внутри тебя?

Я обращаю свой взгляд внутрь. Масса Предвестника все еще там, но ощущение его как чего-то отдельного от меня постепенно исчезает. Все, что осталось, - это слабые изменения в том, как моя душа выражает себя через мои чувства. Новая или слегка измененная нота в запутанном восприятии. Какой-то след силы, которую Юрфальн черпал из своего собственного распада. Теперь я могу превратить свои раны в топливо, использовать их, чтобы сделать свою магию сильнее – чем я ближе к смерти, тем лучше.

Я обращаю свой взгляд внутрь. Масса Предвестника все еще там, но ощущение его как чего-то

отдельного от меня постепенно исчезает. Все, что осталось, – это слабые изменения в том, как моя душа выражает себя через мои чувства. Новая или слегка измененная нота в запутанном восприятии. Какой-то след силы, которую Юрфальн черпал из своего собственного распада. Теперь я могу превратить свои раны в топливо, использовать их, чтобы сделать свою магию сильнее – чем я ближе к смерти, тем лучше.

Это... ну, звучит ужасно, и я не хочу полагаться на это, насколько это возможно, но если то, что я только что пережила, – типичный опыт сражения с Предвестниками, это может оказаться невероятно полезным. Сначала я подумала, что достаточно ужасных телесных увечий, чтобы просто убить такую девочку, как я, но, похоже, все не так просто. Я буду часто находиться на пороге смерти.

— Ладно, — вздыхаю я. — Я нашла это, и то, что я нашла, кажется хорошим, но это все? Может, есть еще что-то, что находится под поверхностью?

— Возможно, но это не так уж часто встречается. Не жди мгновенной эволюции - твой рост только начинается, — говорит Вьюджи.

— Мне осталось жить несколько месяцев. Может, год, — прошипела я. — Сколько мне еще предстоит сделать? Неужели я должна убивать Предвестника каждую неделю? Каждый день?

— Ах... — она сидит неподвижно, и как всегда в течение нескольких очень долгих секунд. — Я понимаю твое беспокойство... но это не так, не обязательно. Есть определенные нюансы. Как я уже говорила, Проявление - это процесс, а не один далекий рубеж, который нужно преодолеть. Будут и другие, более значительные изменения, и они предложат тебе способы продлить свою жизнь до тех пор, пока ты не будешь удовлетворена. А до тех пор тебе нужно лишь охотиться, чтобы быть на несколько шагов впереди смерти.

— В продолжение: когда мы встретились вчера вечером, я сказала, что этот Предвестник, скорее всего, новорожденный. Ты видела его больше, чем я. Ты согласна?

Я думаю о последних минутах Юрфальна и о тех мыслях, которыми он хотел поделиться со мной до этого. Мистер Энфилд, похоже, был его первым опытом контакта с людьми. Если он был старше дня или двух, то до вчерашнего вечера он провел время, не занимаясь ничем заслуживающим внимания.

— Если они начинают убивать, как только появляются, то да.

— Обычно так и бывает, — говорит она.

Мне не нравится, к чему все идет.

Вьюджи отводит взгляд от меня и широким жестом показывает на город. "Предвестники растут

по мере того, как питаются. Становясь больше, чем они есть, их наследие растет вместе с ними, и потому они оставляют больше, когда падут. Ты можешь заниматься мелкой рутиной снова и снова, а можешь выйти на более опасную тропу. Выбор за тобой, но я полагаю, что один из вариантов поможет тебе достичь цели быстрее, чем другой".

Этот новорожденный - этот дефектный карлик, если верить ей на слово, - уже внушал мне неимоверный ужас. Мне потребовалось все, что у меня было, чтобы едва выжить, и я не стала здоровее или ближе к бессмертию, чем была сегодня утром.

— Вьюджи, сколько Хранителей на самом деле живут достаточно долго, чтобы получить желаемое?

— Это опасная работа. Некоторые справляются. Некоторые нет. Я рада сообщить тебе, что у моих детей шансы выше, чем у большинства.

— Ну, слава гребаной Богине, что ты есть.

— Действительно, — она слабо улыбается. В ее голосе нет ни капли иронии.

Все, что я могу сделать, это подавить желание заплакать. Я уже давно исчерпала запас своих слез.

— Отлично. Тогда оставь меня в покое.

— Как пожелаешь, — Вьюджи склоняет голову и исчезает.

Дом, безопасность, жизнь - все это вдруг стало казаться очень далеким.

Я так устала. Смогу ли я в таком состоянии вернуться в больницу? Моя правая рука по-прежнему бессильна, а в конечностях ощущается неприятное онемение - ранний признак обострения болезни. Я все еще чувствую отголоски болезни Юрфальна, из-за чего у меня постоянно кружится голова и перехватывает дыхание.

На краю своего восприятия я могу слабо ощущать точки жизни, обычных людей, которые идут по своим делам. Чувствовать их не ново, но что-то изменилось. В больнице здоровые души я не ощущала как нечто особенное. Теперь же у них есть свой собственный запах. Может быть, я просто не замечала его раньше, или медленная смерть вокруг меня заглушала его. Он не похож на те вонючие запахи. Он ничего не говорит мне о них, кроме того, что они здоровы, но он… успокаивает, как приятный ветер на моих ранах. Как свежий дождь. Я подхожу поближе к окрестностям и ощущаю нежность. Найдя дерево, я прячусь за ним и подглядываю.

Мое первое ощущение было не совсем полным. Это больше похоже на воду в пустыне. Оазис глазами человека, который никогда в жизни не видел воды. Пока я сижу здесь и наполняю

свой мир этими ощущениями, все кажется не таким уж плохим. Я побуду так еще немного, еще немного, чтобы вкусить...

Вкусить? Чего?

Какая-то часть меня инстинктивно протягивает руку и... вдыхает? Три тонких шлейфа мерцающего зеленого тумана, цвета свежей листвы, по спирали проникают сквозь стены домов на противоположной стороне дороги и погружаются в меня. Теплый, мягкий поток прокатывается по моему телу, смягчая многочисленные боли и впуская чистый воздух обратно в легкие. Я все еще немного уставшая, боль до сих пор остается в руке и холодное, жгучее онемение покалывало, но через мгновение я чувствую себя намного лучше.

Только после того, как я экспериментально потянулась, чувствуя, как усталость в мышцах исчезает даже при движении, я осознаю, что только что сделала. В животе у меня екнуло, когда я отшатнулась от теплых аур.

Через мгновение, чтобы успокоить резкое, учащенное дыхание, я обращаю свое восприятие обратно к душам, из которых я что-то вытянула. Ощущение такое, будто я прикрыла глаза, чтобы не видеть ужасное происшествие, а потом медленно раздвинула пальцы, чтобы посмотреть из любопытства. То, что я увидела, оказалось... не так уж плохо Их души чуть менее чисты, словно в них проскользнула кислая примесь, но они не заразились от меня ничем ужасным. Моя магия подсказывает, что для них эффект - это неопределенное, ничего не значащее недомогание, близкое к ощущению, когда плохо высыпаешься.

Я закрываю глаза и сканирую свое тело, пока дыхание украденной жизни утихает. К тому времени, когда последний из них сделал свое дело, острая боль в руке почти исчезла. Осталось только сильное растяжение связок в правом запястье. Но это не страшно. Я не собираюсь доставлять кому-то неприятности из-за своей руки. Нехотя я отменяю свою трансформацию, надеясь, что эта сила будет держаться без поддержки магии. Чувствую я себя не то чтобы очень хорошо, но все же, возможно, это мой лучший день в плане здоровья со времен второй трансплантации.

Поэтому я выхожу из своего укрытия и направляюсь обратно к больнице. Я могла бы оценить внезапную легкость в своих шагах, но она слишком связана с воспоминаниями о том, откуда взялась моя новая бодрость, о том моменте, когда я испугалась, что убила кого-то. Мои магические сенсоры все еще реагируют на движение, и мне приходится сдерживаться, чтобы не вздрагивать при появлении нового присутствия. Все они - люди, не несущие в себе никакой ужасной порчи, и глядя на них, я вижу обычного человека, занимающегося обычными делами, но этого недостаточно, чтобы полностью успокоить чувство тревоги и нереальности, затаившееся в моем сердце.

Всю обратную дорогу было тихо, и я изо всех сил старалась дать отдых своему мечущемуся разуму. Воздух все еще приятно свеж в тени тротуарных деревьев, и я не чувствую никаких следов Предвестника. Какая-то безумная часть меня почти хочет найти другую цель, зная, как далеко мне еще предстоит пройти к своей цели, но нет никаких шансов, что я переживу это снова сегодня.

Сейчас мне просто необходимо вздремнуть. Когда в поле зрения появляется больница, я на мгновение успокаиваю свою духовную сенсорику, насколько это возможно. Я не хочу, чтобы на меня давила башня, полная других больных людей.

— Лия! Что случилось? Ты поранилась? — Почти сразу после того, как я выхожу из лифта на седьмом этаже, ко мне бросается помощница, ее лицо скривилось от беспокойства, которое казалось совсем неуместным. Сейчас только полдень - я не так уж долго отсутствовала.

— ...Я в порядке? Я просто гуляла в саду. Знаю, знаю, медицинские рекомендации и все такое, но мне не плохо. Я надела маску и все такое. Почему вы решили, что у меня что-то случилось?

Может быть, последнее слово было слишком защитным.

— Ясно, просто... твои волосы...

— А что с ними? Утром я их вроде бы привела в порядок.

— ...Ох, — она нахмурилась еще сильнее.

— Серьезно, в чем дело? — я протискиваюсь мимо нее в ближайшую уборную и осматриваю себя в зеркале.

Слева от челки тонкий локон обесцветился до совершенно бесцветного белого цвета.

Примечание:

Притвор — пристройка перед входом в храм.

Диализный аппарат – устройство для очистки крови, которое используется, если почки пациента не способны справиться с нагрузкой.

http://tl.rulate.ru/book/88302/3471027